

Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

УДК 343.2.01
ББК Х408.0

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ НОРМА: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Д. А. Гарбатович

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу понятия и признаков уголовно-правовой нормы. Отмечаются неточности, некорректности отдельных определений уголовно-правовой нормы, оспариваются следующие устоявшиеся признаки уголовно-правовой нормы: 1) уголовно-правовая норма является общеобязательным правилом поведения и государственным предписанием; 2) норма уголовного права предусмотрена только уголовным законом, является единственным источником уголовного права, и только уголовный закон определяет преступность и наказуемость совершаемых деяний; 3) уголовно-правовая норма предусматривает права и обязанности исключительно в связи с совершением преступления; 4) все уголовно-правовые нормы обеспечены государственным принуждением посредством возможности назначения уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовно-правовая норма, признаки норм права.

Уголовно-правовая норма является первичным элементом, совокупность которых составляет отдельный правовой институт, Уголовный кодекс в целом. Сложно переоценить значение уголовно-правовой нормы как для уголовного права, так и для уголовного закона. Казалось бы, столь значимое понятие для уголовного закона должно быть давно уже разработано и быть воспринято как истина без каких-либо дискуссий и сомнений. Но по настоящее время единое понятие уголовно-правовой нормы еще не сформировалось, не утвердилось, а предлагаемые понятия либо не позволяют отделить норму уголовного права от иных правовых норм, носят неточный характер, либо достаточно дискуссионны, когда уголовно-правовой норме приписывают признаки без учета особенностей отрасли уголовного права или не свойственные иным уголовно-правовым нормам.

Например, И. А. Тарханов, классифицируя нормы Общей части УК РФ на управомочивающие, обязывающие и поощрительные, под правовой нормой понимает определенное правило поведения, которое установлено и охраняется государством [16, с. 109–110].

Сложно признать представленное понятие удачным относительно уголовно-пра-

вовой нормы. Во-первых, данное понятие не отражает всех необходимых признаков, которые характерны вообще для правовой нормы. Во-вторых, рассматриваемое определение правовой нормы является слишком общим, подходящим для всех отраслей права, поэтому оно не позволяет выявить особенности уголовно-правовой нормы, разграничить уголовно-правовую норму от норм иных отраслей права.

Любое определение состоит из совокупности характерных его признаков, которые в своем единстве составляют конкретное понятие. Рассмотрим признаки уголовно-правовой нормы для уточнения ее определения.

1. Уголовно-правовая норма – это общеобязательное правило поведения.

В доктрине уголовного права до конца не решен вопрос относительно того, является ли уголовно-правовая норма правилом поведения или установленным предписанием, совпадают ли между собой по значению такие термины, как «правило поведения» и «предписание», или они имеют свое самостоятельное значение?

Норма советского уголовного права определялась как установленное государством правило поведения, соблюдение которого

обеспечивается авторитетом государственного требования и угрозой уголовной ответственности и наказания. Уголовно-правовые нормы содержат запреты и веления, предписывают определенное правило поведения людей [7, с. 36].

А. В. Наумов уголовно-правовые нормы определяет как уголовно-правовые предписания, содержащиеся в уголовном законе [9, с. 61].

В. Д. Филимонов разъяснял, что «реализация запретов при совершении преступлений находит выражение в использовании предписаний, регулирующих индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, реализация стимулирования осуществляется на основе предписаний, регулирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания и др. Дозволения реализуются с помощью предписаний, регламентирующих обстоятельства, исключающие преступность деяний» [17, с. 58].

О. Ф. Шишов настаивает на том, что нормы уголовного права содержат в себе только предписания и запреты и не относятся к категории представительно-обязывающих норм. Одновременно он делает оговорку: как исключение, к нормам-предписаниям не относится только институт обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ) [10, с. 7].

Анализируя норму, регламентирующую освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), сложно говорить о том, что данная норма характеризуется велением или предписанием. Во-первых, уголовный закон только предоставляет виновному лицу право, возможность деятельно раскаяться, не возлагая на него обязанность явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступления, возместить причиненный ущерб, иным образом загладить вред, причиненный в результате преступления. Во-вторых, даже при совершении перечисленных действий закон не предписывает правоприменителю освободить лицо, совершившее преступление, а только предоставляет ему указанное полномочие (ч. 1 ст. 75 УК РФ).

В случае с деятельным раскаянием предписание имеет место быть частично, и касается оно исключительно правоприменителя. Во-первых, если лицу, деятельно раскаявшемуся, предоставлено только право быть освобо-

жденным от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 75 УК РФ), то на правоприменителя, в данном случае на судью, возлагается обязанность учесть деятельное раскаяние как смягчающее обстоятельство при назначении наказания (ч. 3 ст. 60, п. «к», ч. 1 ст. 61, ст. 62 УК РФ). Во-вторых, если лицо деятельно раскаялось, совершило положительные посткриминальные деяния, предусмотренные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ (например, добровольно освободило похищенного (ст. 126 УК РФ), добровольно сдало оружие (ст. 222 УК РФ), добровольно сдало наркотические средства и психотропные вещества (ст. 228 УК РФ)), уголовный закон предписывает правоприменителю освободить лицо от уголовной ответственности.

Тем не менее мы считаем некорректным определять уголовно-правовую норму как предписание. Уголовно-правовая норма является общеобязательным правилом поведения, она характеризуется представительно-обязывающим признаком. Норма в случае с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) предоставляет одновременно лицам, совершившим преступные деяния, возможность, право совершить положительные посткриминальные деяния, не обязывает, не предписывает им совершить указанные деяния, а правоприменителя, наоборот, обязывает, предписывает ему учесть данные уголовно-правовые деяния надлежащим образом.

Используемые в теории уголовного права термины «правило поведения» и «предписание» не являются синонимами. Правило поведения включает в себя предписание, как и иные формы уголовно-правового регулирования (запреты, стимулирование, дозволение), а не ограничивается только им. Поэтому, на наш взгляд, уголовно-правовую норму точнее называть общеобязательным правилом поведения, а не предписанием.

2. Уголовно-правовая норма предусмотрена уголовным законом и является единственным источником уголовного права.

Например, В. Д. Филимонов утверждает, что только норма уголовного права осуществляет охрану общественных отношений, во-первых, путем установления, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, во-вторых, путем определения наказания и иных мер уголовно-правового характера за их совершение

и, в-третьих, путем установления пределов предусмотренной за преступное поведение уголовной ответственности [18, с. 14].

А. В. Наумов разъясняет, что «многие уголовно-правовые нормы включают в себя нормы самых различных отраслей. Более того, анализ действующего уголовного законодательства позволяет утверждать, что вообще нет такой отрасли права, нормы которой не входили бы органически в уголовно-правовые. Так, в содержание бланкетных диспозиций уголовного закона входят нормы и конституционного (например, ст. 136 УК РФ), и административного (например, ст. 264 УК РФ), и гражданского (например, ст. 146 УК РФ), и других отраслей российского права. В этих случаях условия уголовной ответственности за совершение соответствующих общественно опасных деяний предусмотрены не только нормами уголовного права, но и нормами других отраслей. И это не противоречит самостоятельности уголовно-правового запрета, так как нормы других отраслей права, помещенные в оболочку уголовного закона, превращаются в «клеточку» уголовно-правовой нормы, образуя вместе с последними уголовно-правовую материю» [5, с. 4–5].

Тем не менее на сегодняшний день аксиоматичное и хрестоматийное положение о том, что Уголовный кодекс является единственным источником уголовного права Российской Федерации, ставится под большое сомнение [3, с. 77; 4, с. 19–31; 8, с. 155].

Например, ст. 7 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35 «О противодействии терроризму» устанавливает следующее правило. «Если воздушное судно не подчиняется требованиям о посадке и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, оружие и боевая техника применяются для пресечения указанного воздушного судна». Статья 8 указанного закона предусматривает при наличии подобных условий пресечение движения плавательного средства путем его уничтожения. Возникает коллизия с нормами УК РФ: во-первых, данные нормы попирают традиционные, в том числе воплощенные в уголовно-правовом институте крайней необходимости, представления об абсолютной ценности человеческой жизни, исключаяющей допустимость принятия человеком решения о том, кому остаться жить, а кому погибнуть; по мнению отдельных ученых, правило об уничтожении воздушного судна или плавательного средства

есть правило совершения убийства, а соответствующие правовые нормы являются преступными [19, с. 38]; во-вторых, анализируемые положения закона «О противодействии терроризму», по сути, как и нормы УК РФ, определяют пределы преступности и наказуемости совершаемых действий, разрешая причинение смерти при определенных условиях.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъясняет, что сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы [6, п. 28].

Вместе с тем анализ порядка и оснований применения сотрудниками правоохранительных органов, военнослужащими и иными лицами огнестрельного оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы, предусмотренных нормативно-правовыми актами, приводит к тому заключению, что этими актами установлены условия, при соблюдении которых обладающее соответствующими полномочиями лицо, применяя физическую силу, оружие и т.д., действует в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и при других обстоятельствах, априорно исключающих оценку его действий как преступных. Хотя предполагается, что только УК РФ устанавливает основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений (ч. 2 ст. 2 УК РФ) [2, с. 12–16].

Сам Уголовный кодекс РФ допускает, что преступность и наказуемость может устанавливаться иным законодательством. Например, в соответствии с ч. 3 ст. 331 УК РФ уголовная

ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени.

Не будем вдаваться в анализ проведенных в качестве примера исследований, так как это не является предметом нашего изучения. Заметим лишь одно: нельзя теперь однозначно утверждать, что только уголовно-правовые нормы являются источником уголовного права.

3. Уголовно-правовая норма предоставляет участникам уголовно-правовых отношений субъективные права и юридические обязанности.

Есть мнение, что нормы уголовного законодательства определяют права и обязанности стороны общественного отношения, возникающего вследствие совершения какого-либо преступления [14, с. 32]. Согласимся с данным мнением, но только отчасти. Указанное положение верно в тех случаях, когда действительно были совершены преступления. В то же время отдельные уголовно-правовые нормы предоставляют участникам общественных отношений права и обязанности не всегда вследствие совершенных преступных деяний. Например, право на необходимую оборону и обязанность адекватной защиты возникают не только при пресечении преступных посягательств, но и при защите от иных неправомерных общественно опасных деяний, к которым можно отнести нападения малолетних или невменяемых. В данном случае уголовно-правовая норма, закрепленная в ст. 37 УК РФ, предоставляет защищаемому и нападающему некоторый объем прав и обязанностей, возникший не вследствие совершения преступления.

В своих работах В. Д. Филимонов выделяет разные виды уголовно-правовых норм, признает, что не все нормы предусматривают именно конкретные составы преступления, но придает нормам, закрепляющим составы преступлений, решающее значение для уголовного права [18], соответственно, возможно именно поэтому непосредственно связывает уголовно-правовую норму с совершением преступления. Полагаем, что понятие уголовно-правовой нормы должно охватывать все нормы Уголовного кодекса РФ, а не только его часть, и не независимо от их количества.

4. Уголовно-правовая норма обеспечивается государственным авторитетом и возможностью применения государственного принуждения посредством уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Так, З. А. Незнамова под уголовно-правовой нормой понимает правило поведения, предоставляющее участникам уголовно-правовых общественных отношений юридические права и возлагающее на них юридические обязанности. Нарушение или несоблюдение этих норм влечет за собой применение мер государственного принуждения в виде уголовного наказания [15, с. 30]. Л. В. Иногорова-Хегай также считает, что уголовно-правовая норма, как и любая норма, содержит правило поведения, она запрещает членам общества совершать преступления под страхом наказания [11, с. 26].

Спорным представляется положение о том, что нарушение или несоблюдение уголовно-правовых норм влечет за собой последствия в виде уголовного наказания. Дело в том, что не все нормы УК РФ предполагают обязанность воздержаться от совершения предусмотренных действий под страхом уголовного наказания, подобное утверждение касается только норм Особенной части УК РФ, которые предусматривают конкретные составы преступления. Действительно, совершение деяния, предусмотренного нормой Особенной части УК РФ, т.е. несоблюдение установленного уголовным законом запрета, влечет государственное принуждение в виде уголовного наказания.

Ситуация заключается в том, что не все уголовно-правовые нормы содержат запрет под страхом уголовного наказания не совершать предусмотренные им деяния. В УК РФ, помимо преступных деяний, предусмотрены еще и иные отрицательные уголовно-правовые деяния, влекущие негативные уголовно-правовые последствия, но не в виде уголовного наказания [1, 12, 13]. Например, речь может идти об отрицательном поведении осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания назначенного ему судом уголовного наказания (например, ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53 УК РФ). Злостное уклонение осужденного от отбывания назначенного ему наказания не влечет государственного принуждения в виде

уголовного наказания, в этом случае происходит замена наказания более тяжким.

Несоблюдение уголовно-правовых запретов и уголовно-правовых предписаний может касаться неисполнения условно осужденным или условно-досрочно освобожденным возложенных на них обязанностей. В этом случае также государственное принуждение не будет выражаться в назначении уголовного наказания, речь может вестись о продлении испытательного срока, об отмене условного или условно-досрочного освобождения, последствием чего будет реальное отбывание уголовного наказания, но не его назначение (например, ч. 2, 3 ст. 74, ч. 7 ст. 79 УК РФ).

Полагаем, не следует однозначно считать, что все уголовно-правовые нормы обеспечены возможностью государственного принуждения посредством назначения уголовного наказания.

Как было уже сказано, помимо норм, обязывающих, есть уголовно-правовые нормы, которые предоставляют права, дозволяют и поощряют совершение определенных уголовно-правовых деяний. Уголовно-правовые нормы не принуждают защищаться от общественно опасного посягательства, задерживать лиц, совершивших преступление, явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступлений, возместить причиненный преступным деянием ущерб, примириться с потерпевшим.

Следовательно, если обеспеченность возможностью государственного принуждения посредством назначения наказания свойственна лишь части уголовно-правовым нормам, подобная характеристика не может быть признаком всех уголовно-правовых норм.

Соответственно определять уголовно-правовую норму как правило поведения, запрещающее членам общества совершать преступления под страхом уголовного наказания, означает не охватить данным понятием иные уголовно-правовые нормы, которые в своем содержании не описывают конкретных составов преступлений.

А. Е. Якубов правильно отмечает, что нормы уголовного права, устанавливая определенные правила поведения, не только охраняют общественные отношения, но и регулируют их. Так, большинство норм Общей части УК РФ имеет позитивный (регулятивный характер), так как их применение само по себе не сопряжено с конкретным преступлением, к тому же в Общей части УК РФ есть нормы

правоприменительного характера, включающие в себя принуждение, которые также не связаны с конкретным преступным деянием [16, с. 113–114].

Литература

1. *Гарбатович, Д. А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъективной стороне / Д. А. Гарбатович: монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 192 с.*

2. *Гарбатович, Д. А. Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ / Д. А. Гарбатович // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 12–16.*

3. *Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В. П. Коняхин. – СПб., 2002. – 162 с.*

4. *Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 336 с.*

5. *Наумов, А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.*

6. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. – 2012. – 3 окт.*

7. *Прохоров, В. С. Механизм уголовно-правового регулирования: нормы, правоотношение, ответственность / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1989. – 205 с.*

8. *Пудовочкин, Ю. Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ России и стран Содружества Независимых Государств / Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 207 с.*

9. *Российское уголовное право. Общая часть: учебник. – М.: Издательство «Спарк», 1997. – 454 с.*

10. *Российское уголовное право: в 2 т. Общая часть / под ред. проф. А. И. Рарога. – М.: Профобразование, 2001. – Т. 1. – 872 с.*

11. *Российское уголовное право: в 2 т. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова,*

А. И. Рарога. – М.: Проспект, 2011. – Т. 1. – 528 с.

12. Сабитов, Р. А. Уголовно-правовое регулирование посткриминального поведения: моногр / Р. А. Сабитов. – Челябинск: ЧЮИ МВД России, 2011. – 388 с.

13. Сабитов, Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора: монография / Р. А. Сабитов. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 368 с.

14. Смирнов, В. Г. Функции советского уголовного права / В. Г. Смирнов. – Л., 1965. – 144 с.

15. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. – М.: Издательская группа НОРМА–

ИНФРА-М, 1998. – 516 с.

16. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. – М.: Статут, 2009. – 751 с.

17. Филимонов, В. Д. Охранительная-функция уголовного права / В. Д. Филимонов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 198 с.

18. Филимонов, В. Д. Норма уголовного права / В. Д. Филимонов. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 281 с.

19. Шестаков, Д. А. Введение в криминологию закона / Д. А. Шестаков. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011. – 75 с.

Гарбатович Денис Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: garbatovich@mail.ru.

**Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"**

2013, vol. 13, no. 4, pp. 38–43

CRIMINAL LEGAL STATUTES: CONCEPT AND FEATURES

D. A. Garbatovich
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article deals with the analysis of the concept and features of a criminal legal statute. Inaccuracy and incorrectness of several notions of criminal legal statute are marked in the article; the following conventional features of criminal legal statute are litigated: 1) criminal legal statute is an obligatory rule of behaviour and official order; 2) the provision of criminal law is prescribed by the criminal law and is the only source of criminal law, and criminal law determines crime type and penalties for the actions; 3) criminal legal statute identifies rights and obligations due to crimes committed; 4) criminal legal statutes are assured by the state coercion by means of possibility to impose criminal penalty.

Keywords: criminal legal provision, features of legal statutes.

Denis Aleksandrovich Garbatovich – Candidate of Science (Law), Associate Professor of Criminal Law, Criminology and Criminal Penal Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: garbatovich@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2013 г.